

ЦИФРОВОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ПРЕДЕЛЫ АВТОМАТИЗАЦИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ПРОЦЕДУР.

Научный руководитель – Кривельская Ольга Валентиновна

Бредихин Игорь Олегович

Студент (бакалавр)

Московский государственный институт международных отношений,
Международно-правовой факультет, Москва, Россия

E-mail: ibredihin0@gmail.com

Цифровое администрирование сегодня — это новая реальность публичного управления. Портал «Госуслуги», автоматическая фиксация правонарушений, реестровые модели предоставления услуг, автоматизированные отказы в выплатах — всё это изменило ткань административного права. Но чем глубже алгоритмы проникают в отношения между человеком и государством, тем отчётливее проступает главный вопрос: где проходит граница, за которой эффективность автоматизации вступает в конфликт с правами личности?

В современной практике можно выделить три уровня автоматизации публичных процедур. Первый — сервисный, где цифровые платформы служат лишь каналом коммуникации, но окончательное решение остаётся за должностным лицом. Второй — автоматизированный, при котором решение принимается системой, но юридически закрепляется за чиновником; таковы штрафы с камер фотовидеофиксации. Третий — полностью автоматический, когда решение принимается и исполняется алгоритмом без участия человека: отказ в выплате, приостановление регистрации, ограничение права на выезд. Именно здесь классические юридические конструкции дают сбой.

Ключевая проблема автоматизированного правоприменения — исчезновение субъекта ответственности. Традиционный административный акт всегда имел автора — должностное лицо, которое несло персональную ответственность за решение. Цифровое решение такого автора не имеет. При ошибке алгоритма установить причинителя вреда невозможно. Гражданин сохраняет право на возмещение вреда по 53 статье Конституции, но не может найти того, с кого этот вред должен быть взыскан. Ответственность становится обезличенной, а право — иллюзорным. Как отмечает Юрий Тихомиров, «юридическая норма перестаёт быть регулятором, уступая место программному коду» [3, с. 156].

Проблема усугубляется непрозрачностью алгоритмических решений. Современные нейросети, построенные на глубоком обучении, не способны объяснить мотивы принятого решения — феномен «чёрного ящика». Если гражданин не понимает, почему ему отказано, он лишается возможности эффективно оспорить решение в порядке, предусмотренном Кодексом административного судопроизводства. Не менее остро стоит проблема доказывания. В классическом процессе бремя доказывания законности решения лежит на госоргане. В автоматизированных процедурах этот принцип размывается: гражданин, получивший штраф с камеры, вынужден доказывать, что автомобиль продан или угнан. Камера, в отличие от инспектора, не может быть вызвана в суд; её показания принимаются за истину, которую можно опровергнуть, лишь представив неопровержимые доказательства обратного.

Автоматизация также несёт риск алгоритмической дискриминации. Системы обучаются на исторических данных, которые могут содержать скрытые предубеждения. Если в прошлом жителям определённых территорий чаще отказывали в выплатах, алгоритм воспроизведёт эту практику, действуя формально беспристрастно, но результативно несправедливо.

Председатель Конституционного Суда Валерий Зорькин точно заметил, что «цифра может стать удавкой для права» [1]. Элла Талапина, исследуя внедрение проактивных государственных услуг, приходит к выводу о необходимости сохранения «человеческого измерения» власти: полная автоматизация допустима лишь в тех сферах, где решения не затрагивают конституционные права граждан [2, с. 12].

Зарубежное законодательство уже вырабатывает механизмы защиты. Статья 22 Общего регламента о защите персональных данных Европейского Союза (GDPR) закрепляет право гражданина не подвергаться решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке и влекущему юридические последствия [5]. Гражданин вправе требовать пересмотра такого решения человеком. Суд Европейского Союза в решении по делу SCHUFA Holding AG (2023) подтвердил, что автоматизированная кредитная оценка подпадает под действие этой статьи и требует человеческого вмешательства по требованию гражданина [4].

Российское законодательство системного ответа на эти вызовы не содержит. Закон об организации предоставления государственных и муниципальных услуг не определяет правовой статус решения, принятого алгоритмом. Кодекс административного судопроизводства ориентирован на оспаривание решений должностных лиц и не учитывает специфику оспаривания решений, у которых нет человеческого автора. Возникает правовой вакуум, который заполняется подзаконными актами и ведомственными разъяснениями.

Выход видится в установлении разумных пределов автоматизации. Первый предел — сохранение человеческого измерения власти. Решения, затрагивающие конституционные права, не могут приниматься без возможности пересмотра человеком. Алгоритм может готовить проект, но окончательный вердикт должен выносить чиновник, способный оценить совокупность обстоятельств. Второй предел — распределение ответственности. Государство должно отвечать за вред от ошибок его информационных систем без необходимости доказывать вину конкретного программиста. Третий предел — процессуальные гарантии. При автоматизированном принятии решений бремя доказывания корректности работы алгоритма должно лежать на госоргане.

Особого внимания требует прозрачность алгоритмов. Не раскрытие исходного кода, но объяснимость логики. Гражданин должен понимать, почему ему отказано: какие параметры не прошли проверку, что можно изменить. Без такого понимания право на обжалование остаётся формальностью. Как отмечает Элла Панеях, развивая идеи Талапиной, алгоритмы часто воспринимаются как объективные, хотя воплощают выбор разработчиков, их представления о правильном.

Цифровизация открывает огромные возможности: скорость, доступность, снижение коррупционных рисков. Всё это делает автоматизацию благом там, где решения типовые и не затрагивают фундаментальных прав. Но там, где речь о судьбе человека, его свободе, достоинстве, окончательное решение должно оставаться за человеком. Алгоритм может быть помощником, но не судьёй. Сохранение человеческого измерения власти — условие легитимности публичного управления. Государство, которое общается с гражданами через алгоритмы и прячется за них от ответственности, перестаёт быть правовым. Право существует не для эффективности — оно существует для человека.

Источники и литература

- 1) Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета. — 2018. — 30 мая.
- 2) Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. — 2018. — № 2. — С. 5–17.
- 3) Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения, 2020. — 240 с.

- 4) 4. Court of Justice of the European Union. Judgment of 7 December 2023. Case C-634/21. SCHUFA Holding AG. ECLI:EU:C:2023:957.
- 5) 5. Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. — 2016. — L 119. — P. 1–88.